

действительности по самой своей сути отлично от него, происходит тотчас же, как только идея (как тайный вожатый в конкретном деле) оказывается несостоятельной. Механизм не только начинает работать вхолостую, но и сама жизнь утрачивает свою истинность.

Непродуктивные учреждения оказываются не просто лишними, но парализуют жизнь.

В основе своей абстрактная аргументация стремится к истинному учреждению как к тому, что необходимо создать. В поле ее зрения в первую очередь попадают не люди с их духовным уровнем, их сущностью, умением и возможностями, а школа как аппарат.

В полемике она имеет обыкновение бороться с тем, что сама же делает и поощряет.

ПРИМЕЧАНИЯ

"Тезисы" были написаны в конце июля – начале августа 1933 г. В наследии Ясперса они представлены лишь как *Typoskript*, который содержит немногочисленные рукописные исправления. В письме Хайдеггеру от 23 августа 1933 г. Ясперс определяет текст как "записанный и необработанный". В этом письме Хайдеггеру он пишет, что "составил текст, чтобы сделать Вам предложения по поводу реформы медицинского образования". В приложении к "тезисам" можно прочесть: "Эти заметки были подготовлены в июле для общества хайдельбергских преподавателей, которые в дискуссии должны были выявить то существенное, в чем, по их мнению, нуждалась высшая школа. Общество, прежде чем начать свою работу, распалось по личным мотивам".

² *Hatwany L. Die Wissenschaft des nicht Wissenswerten. Ein Kollegienheft. Leipzig, 1908; 2 vermehrte und veränderte Aufl. München, 1914.*

Оба издания имеются в библиотеке Ясперса, в обоих книгах есть его пометки, подчеркивания, аннотации. Можно быть уверенным, что намек относится к этой книге.

³ *Böckh A. Encyclopädie und Methodologie der philologischen Wissenschaften / Hg. E. Bratuschek. Leipzig, 1877.*

⁴ Отсутствует пассаж в 13 строк (вырезано). В регистрационной карточке, видимо, с указанием на это обстоятельство, записано: "кое-что вырезано для университетской речи 1945 года". – Имеется в виду речь "Обновление университета", с которой Ясперс выступил по случаю возобновления деятельности Хайдельбергского университета с медицинскими курсами.

"ТЕЗИСЫ К ВОПРОСУ ОБ ОБНОВЛЕНИИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ" (1933) ЯСПЕРСА В КРИТИЧЕСКОМ СРАВНЕНИИ С РЕКТОРСКОЙ РЕЧЬЮ ХАЙДЕГГЕРА¹

Ханс Занер

В письме Хайдеггеру от 23 августа 1933 г., поблагодарив за полученный им экземпляр ректорской речи², Ясперс сообщил, что в конце июля и начале августа написал работу, цель которой – "разработать и пред-

ставить Вам предложения по реформе медицинского образования" Но оказалось, что разработать эти реформаторские предложения можно только в единстве с "размышлениями об университете в его целостности", и поэтому медицины как таковой он в конце концов вообще не коснулся. Это "лишь набросанное, но неотработанное" сочинение он оставляет у себя в рабочем столе. "Я не посылаю его Вам. Когда Вы навестите меня в следующий раз, я покажу его Вам, если Вы того пожелаете"³.

Это сочинение, "Тезисы к вопросу об обновлении высшей школы", хранилось в наследии Ясперса как 27-страничный Typoskript с немногочисленными рукописными поправками⁴. При нем имеется набросок письма, которое по всей видимости, предназначалось для министерства в Карлсруэ. В письме излагается иная версия возникновения тезисов: заметки были подготовлены в июле для "Общества преподавателей Гейдельбергского университета", в ходе дискуссии членов общества следовало выявить то существенное, в чем, по мнению преподавателей, нуждалась высшая школа. По личным мотивам общество распалось раньше, чем начало свою работу⁵.

Это письмо так и осталось только наброском. Создается впечатление, что решение об использовании "Тезисов" Ясперс хотел предоставить Хайдеггеру. Во всяком случае, в верхней части письма стоит рукописная пометка:

"Не отослано:

1) Хайдеггер – из моего письма – знает об этом и *может*, если того хочет, поставить правительство в известность.

2) Без соответствующего предложения я ничего не могу предпринимать, так как говорят, что меня как не состоящего в партии и женатого на еврейке только терпят и что я не могу вызывать доверия"

Хайдеггер не ответил на благодарственное письмо Ясперса⁶. Так как они больше не встречались, "Тезисы" остались лежать в столе непрочитанными. Можно было бы их там и оставить как документ, не возымевший действия. То, что мы теперь поступаем иначе, имеет под собой прежде всего два основания:

а) "Тезисы" – единственный аутентичный документ, из которого мы можем узнать, каким было отношение Ясперса к реформе университета непосредственно после захвата власти национал-социалистами.

б) Мы вправе с уверенностью предположить, что здесь идет непрямой диалог с Хайдеггером. 27 мая Хейдеггер произнес свою ректорскую речь, о которой Ясперс получил общее представление "из газет"⁷. Затем, в конце июня, в Гейдельбергском университете Ясперс слышал до сих пор еще не опубликованный доклад Хайдеггера "Университет в новом рейхе"⁸, который тот сделал, откликнувшись на приглашение студенческого объединения. Хайдеггер заночевал тогда⁹ у Ясперса и после лекции состоялись их последние беседы друг с другом¹⁰. В земле Баден уже велись работы по созданию нового университетского уложения; оно восходило к предложению Хайдеггера, непосредственное участие которого в разработке уложения было значительным. Имея в виду как раз университетское уложение, Ясперс и писал свои "Тезисы" (и это третья версия их возникновения), поскольку, как казалось, было желательно,

чтобы все университеты страны принимали участие в работе по подготовке реформы. И еще: он считал своим "долгом" донести до ответственных за реформу лиц то, что "сегодня могут сказать исследователи, опираясь на свой опыт"¹¹. Незадолго до того, как появился набросок письма Хайдеггеру, в гейдельбергских газетах в полном объеме было опубликовано упомянутое университетское уложение земли Баден – первое в рейхе¹². За день до этого оно уже вступило в силу, однако до проведения единой реформы в границах всего рейха должно было носить предварительный характер. Таким образом, оставалось время для внесения корректив. Поэтому Ясперс информировал Хайдеггера о существовании своей рукописи "в надежде, что тот затребует ее и окажет дальнейшее содействие"¹³, т.е. выступит в качестве посредника для передачи ее в Карлсруэ (может быть, также и в Берлин).

Следовательно, ректорская речь Хайдеггера, с одной стороны, университетское уложение – с другой, а также "Тезисы" – это появившиеся почти одновременно документы, свидетельствующие о начале преобразования немецкого университета. Имеет смысл читать документ, вышедший из-под пера Ясперса, помня о существовании двух других. В сравнении четче обозначаются отличия его реформаторских предложений.

Однако имелись ли вообще достойные упоминания различия? В процитированном ранее письме Ясперс писал также о ректорской речи и о новом университетском уложении. Он хвалил и то и другое, хотя и с оговорками.

Ректорская речь, читаем в письме Ясперса, своим великим обращением к истокам греческой античности "вновь тронула его как новая и одновременно само собой разумеющаяся истина" И поскольку позволительно надеяться, писал Ясперс, что Хайдеггер путем "философской интерпретации осуществит" эти начала, речь обладает "достойной доверия субстанцией" "Я не говорю о стиле и поэтичности, которые – насколько я вижу – делают эту речь пока единственным документом академической воли, который останется в истории. На моем доверии к Вашему философствованию... не отразятся некоторые особенности этой речи, которые есть дань времени, не повлияет на него и то в ней, что представляется мне несколько преувеличенным, а также те предложения, которые, как мне кажется, не наполнены содержанием. Как бы то ни было, мне доставляет только удовлетворение, что кто-то умеет говорить, затрагивая вопрос о подлинных границах и истоках"

Как понимать это чередование похвалы, критики и вновь похвалы? Все зависит от истолкования. Но оно будет в определенной степени убедительным лишь тогда, когда станет ясной картина тогдашних взаимоотношений двух философов.

10 марта 1933 г. Ясперс пригласил Хайдеггера к себе в гости в Гайдельберг: "Мы так долго не говорили друг с другом... что необходим какой-то толчок, чтобы мы вновь нашли точки соприкосновения. Поскольку и прежде добиваться этого удавалось не благодаря нашим сочинениям, а только в ходе бесед, то так, скорее всего, останется и в будущем. Если письменные сочинения имеют тенденцию отчуждать, то

тем в большей степени слово должно объединять нас. В конце концов мы есть нечто большее, чем то, что мы пишем"

Хайдеггер принял приглашение и 18-го марта приехал в Гейдельберг на 4 или 5 дней. Его письмо Элизабет Блохманн от 30 марта дает нам представление о том, что принесли ему эти дни: "Дни, проведенные с Ясперсом, были для меня очень важными", – писал Хайдеггер. «Я видел, что о "духовной ситуации времени" можно писать, не будучи затронутым тем, что в действительности происходит – или же только зная об этом.

Хотя разница в возрасте едва ли составляет 10 лет, мы принадлежим к различным поколениям; к тому же в мире Ясперса не нашлось места миру греков – что в это всемирно-историческое мгновение нынешнего развития на Западе равнозначно, по моему убеждению, катастрофе.

Но человеческая высота и чистота его помыслов уравнивают эти недостатки, которые обуславливают противоположность наших философских взглядов»¹⁴.

Когда вчитываешься в эти строки, воспринимая их в контексте всего письма, то обнаруживаешь, помимо этого, некоторые косвенные упреки: в мышлении Ясперса отсутствует, де, единящая сила, в основе которой лежит вглядывание в тут-бытие, Dasein. На нем стоит печать бледности и расплывчатости мира просвещения и либерализма. В конечном счете оно является "литературным делом" – делом, стоящим вне времени, – а это значит: вне начала (т.е. не ведущим свое происхождение от греков), вне настоящего (т.е. не имеющим твердых оснований в Dasein) и вне будущего (т.е. не обдумывающим опыт настоящего исходя из будущего). Хайдеггер полагал, что при таких предпосылках равным счетом ничего нельзя предпринимать. Поэтому он не проявил интереса к "Тезисам" Расправа не свершилась только из уважения к личности.

Ясперс, со своей стороны, в одном из писем фиксировал свое внимание прежде всего на личном аспекте встречи: "Мне доставляет удовольствие вспоминать дни, проведенные с Вами. Я благодарен Вам за то, что мы вновь были откровенные друг с другом, доверяли друг другу. В те мгновения молчаливого вслушивания друг в друга, которые я не забуду, Вы позволяли мне, как это уже иногда бывало, заглянуть в истоки Ваших идей, мыслей, но теперь – когда все повторяется и усиливается, – это для меня еще более значимо"¹⁵.

Благодаря такому подходу "с новой силой"¹⁶ выросло доверие – как он заявлял об этом впоследствии – также и к философствованию Хайдеггера, хотя оно было для Ясперса чуждым.

Сказанное проясняет вопрос о том, как следует понимать ясперсовскую похвалу ректорской речи: исходя из доверия к изначальному в учении Хайдеггера, все интерпретировать в его пользу, отодвигая в сторону содержательные сомнения относительно программы; если и указывать на имеющийся в ней ложный пафос, то считать его моментом незначительным, в общем же принимать текст в ореоле его собственной силы¹⁷.

Это должно было оказаться для Ясперса делом тем более легким, что многое в его "Тезисах" наводит на мысли о ректорской речи. Возможно, здесь – результат совместных бесед. Вероятно, он читал речь Хайдеггера

недостаточно внимательно для того, чтобы ясно и во всем объеме увидеть различия. Во всяком случае, на экземпляре с посвящением не видно никаких пометок, сделанных при чтении, во втором экземпляре немного подчеркиваний и ни одного замечания на полях. Читать-то он читал. Но действительным изучением речи он, вероятно, не занимался.

Оба они, как пишет Ясперс в одном из писем, были "захвачены временем"¹⁸, и оба находились в первую очередь под воздействием странного профессорского видения происходящего – как будто происходящее с университетом было фокусом эпохи. Если они вообще мыслили в политических категориях, то применительно к проблеме университета, которому они, конечно, придавали огромное общественное значение. Как средоточие воспитания духовной элиты и подготовки народа к деятельности в сфере духа он был тем местом, где в медиуме знания и наук должно было осуществить свой прорыв и стать действенным самосознанием народа. Это должно происходить *по-новому*, потому что университет, как писал Ясперс, "вот уже на протяжении столетия... переживает постепенный, а в последнее тридцатилетие стремительный упадок"¹⁹, все заметнее деградирует, предлагая познавать и изучать то, что этого недостойно. Университет должен был решить "высшую задачу", а проделал путь "глубочайшего падения"²⁰ – "падение свершилось" не по "вине кого-то"²¹, а обусловлено беспочвенностью, нигилизмом самой технокультуры больших городов. На реформу, однако, нужно отважиться сейчас, потому что эпоха перелома дает бóльший шанс для изменений. И поскольку эпоха наилучших шансов есть в то же время эпоха наивысшей опасности, университет, как считали оба мыслителя, пребывает в самом центре радикального кризиса в подлинном смысле слова и тут или "истинное обновление" – или "окончательная гибель"²². Реформа, таким образом, стала вопросом судьбы университета и самосознания всего народа.

Рамки, в которые были включены мысли о реформе, у обоих философов почти идентичны. Но Хайдеггер делал все публично, в виде программы, как глашатай новых времен, как человек, указующий путь к новому, Ясперс же делал это сдержанно-затаенно, поневоле скрыто, лишь внося коррективы в уже имеющееся развитие; один, таким образом, *pro-methisch*, т.е. забегая мыслью вперед, другой *epi-methisch*, т.е. размышляя по поводу настоящего. Притом разум ни одного из них не был разумом бога – но лишь один из двоих не забыл этого.

Ход мыслей Хайдеггера таков.

"Принимая на себя ректорство"²³, он выстраивает "решающую проблему" университета: "Должна ли наука и впредь сохранить *бытие* в нашем мире, или мы должны попустительствовать ее быстрой гибели?"²⁴ Если она и в дальнейшем должна сохранить свое бытие, необходимо достигнуть ясности в отношении того, что же она есть. Эта ясность раз и навсегда заложена в истоках западного мышления. Отсюда, по мнению Хайдеггера, неизбежность обращения к грекам. Оно же раскрывает двойственный характер знания. Знание "куда более слабо"²⁵, чем Анаanke – судьба, необходимость, но оно, упорно, непрерывно вопрошая,

сохраняет свои позиции "внутри постоянно скрывающегося сущего как целого"²⁶. Если обратить взор на высказывание Ницше "Бог умер", то можно увидеть специфичное отличие современности от античного мира, и на фоне этого отличия ответ греков преобразуется применительно к настоящему. Наука *сегодня* – "совершенно необеспеченное состояние выдвинутости в сокрытое и неопределенное, т.е. сомнительное"²⁷. Заслуживают сомнения, однако, "мирообразующие силы"²⁸ самого Dasein: "Природа, история, язык; народ, нравы, государство; поэтика, мышление, вера; болезнь, сумасшествие, смерть; право, хозяйство, техника"²⁹. Уделяя основное внимание в своем вопрошании этим проблемам, наука сбрасывает с себя груз распыленности, случайных увлечений и парцеллярного деления по предметам. Великие вопросы университета суть великие вопросы народа в целом. Через их посредство наука обретает свою сущность. В этом *связывании с сущностным* заключается главный смысл реформы.

Хайдеггер ведет дело – и здесь выявляется огромное противоречие по отношению ко всему прежде сказанному – к *развернутому понятию науки*. Концентрация проблем науки на великих проблемах народа подводит науку, пребывающую в состоянии негативной свободы, к состоянию тройственной связи с народом.

Кто хочет быть в курсе запросов народа, тому должны быть известны, и не понаслышке, а через непосредственное участие, заботы, чаяния и умения всех сословий, всех членов и групп народа³⁰.

Кто посвящает свою жизнь духовной профессии, должен также доказать, что он "без остатка"³¹ отдает себя борьбе за "честь и судьбу нации, живущей в окружении других народов"

Поэтому трудовая повинность и военная служба образуют два фланга службы знания, которая – в этом и заключается *ее* задача – и превращает народ в "духовный народ"³².

Хайдеггер настоятельно подчеркивает, что эти три вида службы "равно изначальны", "одинаково необходимы и находятся на одном и том же уровне"³³. В своей совокупности они представляют "единственно изначальную и полную сущность науки"³⁴, "осуществление которой поручено нам"³⁵. И далее: "Эта наука имеется в виду, когда идут поиски сущности немецкого университета"³⁶.

Но что общего здесь с греческим толкованием науки? Ровным счетом ничего. Все, что Хайдеггер впоследствии привел в своих "Фактах и мыслях"³⁷ для объяснения этой трехчленной структуры, не является, если судить по тексту, убедительным. Расширение понятия науки было вторым смыслом его реформаторских усилий.

Третий смысл – это *аскетическое дисциплинирование жизни* учителей и учеников, которые должны "строить свою жизнь более просто, более сурово и с меньшими притязаниями, чем все остальные соотечественники"³⁸, с тем чтобы целиком посвятить эту жизнь выполнению своего подлинного предназначения.

Это "предназначение", однако, суть последний и все охватывающий смысл реформы: университет должен быть преобразован в "центр духовного законодательства"³⁹, через посредство которого: 1) он *сам себе*

устанавливает закон, то есть становится автономным и *сам себя утверждает* в качестве автономного, – а также 2) предоставляет *народу как "духовному народу"* закон и впечатывает тем самым его судьбу в "оттиск его истории"⁴⁰. Путь к этому законодательству – ведущаяся с обеих сторон борьба учителя и ученика, которая должна пронизывать всю деятельность университета.

С полным пониманием принципов драматургии Хайдеггер в конце заново ставит решающий вопрос: "Хотим ли мы определить сущность немецкого университета, или мы этого не хотим?"⁴¹. Вопрос, который теперь становится идентичным вопросу: "сохранилось ли еще у нас, как у исторически-духовного народа, желание вновь обрести себя – или же мы более не хотим этого?"⁴². И затем – апофеоз о "великолепии" и "величии такого прорыва"⁴³, благодаря которому стараниями "молодой и совсем юной силы нашего народа, которая распростерла свои крыла над нами"⁴⁴, уже принято решение, что мы хотим быть самими собой, хотим, "чтобы наш народ исполнил свое историческое предназначение"⁴⁵. Пусть под этим подразумевается кто угодно и что угодно – при чтении трудно воспринимать это иначе, чем апофеоз национал-социализма, к партии которого Хайдеггер принадлежал, и не просто как рядовой член, а прежде всего как ректор, как руководящее лицо.

Этому типу движения – когда вопрошая прокладывают себе путь, чтобы завершить его апофеозом настоящего, т.е. когда по видимости сетуют и жалуется, а по сути мыслят хилиастически, – Ясперс противопоставил свой стиль размышлений, по стилю не имеющий ничего общего с жалобами, но в итоге совпадающий с пророчествами в духе Кассандры.

Композиционно дело выглядит так, что он отправляется от *унаследованной* от прежних времен идеи университета, для того чтобы искать институциональные рамки для ее *нового* осуществления. В заключительной части, однако, речь идет исключительно об *опасностях*, которые уже видны в ходе этого нового поворота.

Унаследованная от прежних времен идея университета жива, так говорит Ясперс, неотделимостью "специального обучения" от "исследования" и "образования" (*Bildung* – слово, которое раздражало Хайдеггера). "Лучший исследователь" – это "и единственно хороший учитель"⁴⁶, каким бы неловким в смысле использования дидактических приемов ни был исследователь. Сообщество учителя и учеников, однако, должно осуществляться "неавторитарно"⁴⁷, "по форме на равных"⁴⁸, т.е. *inter pares*, следовательно, в соответствии с сократовскими принципами. Оно основывается поэтому на коммуникации, двигателем которой всегда выступают "духовная борьба"⁴⁹ и неограниченная свобода, постоянно связанная с опасностями произвола, пристрастий или увлечения чем-либо незначительным⁵⁰. По поводу этой чреватой опасностью свободы Хайдеггер провозглашал: «Многokrатно воспетая "академическая свобода" вытесняется из немецкого университета; потому как эта свобода была неподлинной, ибо только отрицающей»⁵¹. Ясперс же весьма настойчиво защищает ее. Учащимся, исключительно во имя ответственности, должно

быть предоставлено право, хотя это и нежелательно, "быть отстающими ввиду недостаточного прилежания"⁵² или "отсутствия инициативы"⁵³. Приверженность сущностному также должна протекать из свободы, где нет места принуждению. Поэтому причина упадка университета – если видеть его вне эпохальной судьбы – никоим образом не таится в одной только негативной свободе, а в той же мере она кроется в обязанности образования. И если, как в условиях современной ситуации, создается положение дел, когда один человек – подразумевается, видимо, министр культов – безраздельно властвует над университетами, в случае приверженности этого человека свободе его власть может дать университету *тот самый* шанс; а если это человек иных ориентаций, то возникает серьезнейшая опасность для университета. Поэтому в качестве кризисного расценивается следующее соотношение: "Возможность истинного обновления немецкой науки является в то же время опасностью ее окончательной гибели"⁵⁴. Это соотношение, однако, произвело на свет услышанный им же "вопрос судьбы"⁵⁵: добьется ли новый "этнос науки, возвращающийся к истокам"⁵⁶, "свободного осуществления"⁵⁷ или нет. Сотворение – оно всегда оказывается приобретением этого этноса, есть его задача в нынешней ситуации.

Для данной ситуации характерно произрастание из старой "основной идеи университета" новых "акцентов"⁵⁸: "Наука обусловлена волей народа и государства..."⁵⁹. Не противоречит ли это, в конечном счете, ее свободе? Ясперс ищет такое толкование, которое оставляет место свободе: То, что наука зависит от народа, означает, что она, в итоге, должна быть желательна народу. Его воление выражено в желании видеть науку конкретно, – а именно, "в повседневно действенном образе духовных профессий"⁶⁰. В них он создает самого себя как духовный народ. Но он так же мало, как государство, знает о том, "что истинного есть в науке"⁶¹ и каким путем она должна идти. Поэтому его воление не приводит к созданию *определенного модуса* науки, а только говорит о том, *что* наука должна быть; духовный уровень народа заключается в "поиске истины"⁶².

Три "основных идеи университета" укоренены в самом народе:

1. Что истину всегда нужно искать: не ограничивая поиски "целями" и "не заботясь обо всех последствиях"⁶³;
2. Что воспитание следует осуществлять, имея в виду "идеи профессии"⁶⁴ – в медуме этого открытого знания; и
3. Что идеи профессий в их совокупности, собранные воедино волей и стремлением народа, способствуют тому, что знание и наука вновь обретают Universitas: свои единство и цельность⁶⁵.

Каждый шаг здесь делается в диалоге с Хайдеггером. Неоспорима схожесть многих мыслей, и можно было бы найти еще большое количество совпадений. Различие, однако, становится заметным при взгляде на *смысл* реформы:

В ходе претворения в жизнь трех идей университета наука общается к самой сущности не через посредство "грубой житейской близости" к Dasein, а через посредство близости "к бытийным субстанциям"⁶⁶

в экзистенции и трансценденции. – Понятие науки не расширяет себя исполнением каких-то жизненно важных услуг, а очищает себя путем освобождения от всех зависимостей. – Жизнь исследователя становится аскетичной не в угоду какой-то одной мысли, а одухотворяется широтой мышления. – Что же касается укорененности науки в народе, то эта укорененность не имеет ровным счетом ничего общего с законодательством – ни с установлением законов для университета со стороны народа, ни с установлением их университетом для народа. Укоренение вносит лишь "новый акцент" в старую идею, которая не претерпевает никаких субстанциальных изменений.

Вернемся еще раз к пассажиру о трудовой повинности и военной службе. Ясперс включил его в рассуждения об институциональных изменениях, чтобы с самого начала разъяснить, что эти службы не имеют ничего общего ни с идеей университета, ни с понятием науки. То, что он вообще заговорил о них, имеет под собой совершенно иные основания, чем у Хайдеггера. Хайдеггер в первую очередь превратил это триединство как новое единство науки в нечто весьма значимое для университета. Он, без сомнения, был самым авторитетным идеологом этого триединства. В момент написания Ясперсом его "Тезисов" оно уже было составной частью деятельности университета. Ведь сообщество немецких студентов, как единственный совокупный представитель учащихся на территории рейха, в июне 1933 г. распорядилось о введении трудовой повинности для студентов. Вскоре последовало, согласно фрейбургской студенческой газете от 14 июля 1933 г., распоряжение правительства рейха о трудовой повинности и военной службе. Ввиду уже состоявшейся их институционализации Ясперс включил данную тему в свои "Тезисы"

Ясперс, как мы видели, допускал высказывания в том духе, что трудовая повинность и военно-прикладной спорт связывают "с действительностью"⁶⁷, что они подводят студентов к "ощущению сопричастности с основами тут-бытия и со всем народом"⁶⁸. Но все же он был тверд в убеждении, что они не могут быть "частями университета"⁶⁹: Они подчинены "сущности иной дисциплине"⁷⁰, которая не должна "в целях подражания переноситься в сферу научного воспитания"⁷¹. Если говорить открытым текстом, то это значит: они означают муштру и принуждение, а они суть враги духовной деятельности. Он считал также, что вынесение обеих видов службы за рамки университета диктуется также и физиологическими основаниями. Его единственной уступкой было согласие на то, чтобы в "ограниченном масштабе спорт"⁷² входил в процесс обучения. Он намеренно не употребляет более термин "военно-прикладной спорт"

Все институциональные изменения он подчинил трем принципам:

Они должны быть в состоянии "дедуплицироваться только из последних оснований идеи университета и не должны быть результатом деятельности ad hoc"⁷³.

На место вытесненного старого они должны поставить нечто в субстанциональном смысле лучшее, т.е. не должны быть просто актом отрицания.

Их следует понимать "как процессы движения"⁷⁴, которые, проникаясь

новым опытом, остаются открытыми для новых изменений. Ибо институциональные учреждения "никогда не есть сущностное"⁷⁵, а в лучшем случае представляют собой свод условий для формирования сущностного. Сущностное, однако, есть свобода и качество учения и исследования, направленные на посильное совершенствование.

В отношении профессорского состава – я останавливаюсь только на этом – это означает: "Должны быть устранены все формальные сложности, а также устранено как можно больше комиссий, контрольных проверок, инстанций, совещаний..."⁷⁶; повсеместно следует укреплять стремление к "личному, ответственному решению"⁷⁷, что в особенности касается ректора и деканов, которые – за исключением приглашений на работу, конкурсов на замещение вакантных должностей, изменений уставов и предписаний, – не обязательно должны зависеть от решений большинства, но все свои решения должны представлять гласно и в письменном виде. Те профессора, которые в должностном отношении влияют на университетскую жизнь, обязаны периодически отчитываться. "Всем представителям профессий, для коих эти люди что-то сделали, должна быть предоставлена свобода подвергать все ошибки беспощадной критике, с которой... надлежит ознакомить академическую общественность..."⁷⁸ За ошибки следует наказывать, причем все равно, будут ли это ошибки, "обусловленные характером или оценкой [ситуации]"⁷⁹, кроме того, необходима "инстанция, которая... может наказывать"⁸⁰. Никого не вынуждают брать власть. Кто это делает, обязан знать, что он "берет на себя риск"⁸¹. Фюреры – также в университете – терпимы только при условии обязательной подотчетности и угрозы наказания. Принимая во внимание эти условия, Ясперс в упомянутом письме Хайдеггеру одобрил новое университетское уложение земли Баден и тем самым принцип фюрерства в университете как "аристократический принцип", даже если и делал это с "болью пиетета" и с "сожалением, что ныне явно и стремительно завершается великое время университета, о кончине которого мы знаем давно"⁸².

К концу "Тезисов" у Ясперса также по-новому звучит решающий вопрос. Это вопрос о том, возобладает или нет решимость делать ставку на лучших, т.е. "будут ли созданы условия для духовного творчества или дело доведут до торжества школярского уравнительного принципа"⁸³.

Фактически положение дел таково, что из-за технизированного школярства снижается уровень университета; что новые, упрощенные учреждения поощряют именно то, с чем они хотели бы бороться; что "несамостоятельные умы"⁸⁴, используя университет, "назойливо, приспособиваясь к духу времени, осуществляют свои программы"⁸⁵; и что распространяется иллюзия, будто в университете "посредством политической борьбы сегодня можно кое-чего добиться"⁸⁶. В факте зависимости университета от народа и от "надежной государственной воли"⁸⁷ должна, однако, присутствовать гарантия обратного – чтобы в "высшей школе царил не политическая борьба, а изначальный поиск истины, которому должна способствовать эта борьба"⁸⁸. Разумная же политика вообще освобождает университет от политической борьбы.

Программная речь Хайдеггера и Кассандровы "Тезисы" Ясперса

различаются своими семантическими полями и различия текстов весьма существенны.

Язык Хайдеггера имеет волюнтаристскую окраску, пронизан бравурной тональностью, он решителен, резок, отличается повелительным, властным, воинствующим, в значительной мере даже милитаристским настроением. Он насыщен прилагательными в превосходной степени (44 на 11 стр. текста) и усиленно подчеркивает вертикальные структуры. Этот язык беспрестанно упирается как в мифические границы судьбы, так и в метафизические границы сущности, большое значение он придает народным и национальным предопределениям. В этой семантической мешанине возникают сомнительные предложения следующего типа:

"Сущность немецкого университета только тогда обретает ясность, приличествующее ей место и *власть*, когда *фюреры прежде всего* и всегда сами становятся *ведомыми* – ведомыми *непреклонностью* той духовной задачи, которая *впрессовывает судьбу немецкого народа в отпечаток его истории*"⁸⁹.

"Немецкий университет мы рассматриваем как высокого ранга школу, которая на основе науки и через посредство науки берется воспитать и дисциплинировать *вождей и хранителей судьбы немецкого народа*"⁹⁰.

"Если мы эту *сущность* науки возжелаем, то преподавательский корпус университета *должен* действительно *выдвинуться* вперед, *опасно приблизившись* к постоянной неопределенности мира"⁹¹. И т.д. и т.п. – можно брать любое предложение⁹².

Возможно, эти и подобные им предложения имел в виду Ясперс, высказывая мягкие критические замечания о том, что многое в этой речи он воспринимает как "дань духу времени", как нечто "преувеличенное" и "не наполненное содержанием"⁹³. В столь мягком тоне может высказывать свои суждения только тот, кто считает, что язык можно отделить от мысли. Так, конечно, может быть, но ни это допущение меньше, чем к какому-либо другому мыслителю, может быть отнесено к Хайдеггеру. И поэтому исследование словарного состава, анализ языка должны, видимо, привести к катастрофическому результату: ректорская речь – это документ ориентированной на миф и насилие национальной литературы, относящейся к эпохе начала упадка немецкого университета.

Языку принуждения соответствует закрытая форма речи. Она очень тщательно выверена драматургически и в этом своем построении обладает признаками целевого произведения искусства. Беда тому, кто поддастся ее внешней строгости.

В "Тезисах" Ясперса тут и там тоже встречаются такие национально окрашенные пустоцветы, как "немецкое знание"⁹⁴, "немецкая наука"⁹⁵ или "немецкая воля к знанию"⁹⁶, а предпочтение, оказываемое им "аристократическому принципу", конечно же, не может рассматриваться как демонстрация демократических идей. Но семантическое поле располагается по другую сторону от таких понятий, как "принуждение", "власть" и "насилие", никогда не обретает мифологической окраски, не пересыпано ссылками на судьбу. И волюнтаристическим оно становится только в том месте, где упоминается воля к знанию. Оно избегает всяких

преувеличений и отказывается от претензий на назидательность. В этом поле нет места истерии и опьянению – оно примечательно своей трезвостью, но в метафизическом плане оно все-таки не остается бескрылым. Литературная форма является открытой, незаконченной и "фрагментарной"⁹⁷, учитывается то, что реформа – ддящийся процесс. "Тезисы" сознательно отказываются от литературной "отработанности", а "в настоящий момент" считают таковую даже "противной здравому смыслу"⁹⁸.

Различия семантических полей указывают на различные метафизические основания. У Ясперса это сплетение свободы, экзистенции, трансцендентности и разума; у Хайдеггера – переплетение народного Dasein, исторической задачи и воли к власти. В обоих случаях в центре внимания находятся – с точки зрения слов и подразумеваемой действительности – университет и наука, которые истолковываются с помощью отличных друг от друга пограничных понятий.

Поскольку обе работы вводят университетскую реформу в зону политического перелома, в отношении их правомерно поставить вопрос о том, были ли они по своей сути национал-социалистическими или, быть может, они способствовали развитию национал-социализма.

Однозначно ответить на этот вопрос по отношению к Хайдеггеру нельзя. Главная цель речи, ее устремленность – "самоутверждение немецкого университета" Тем самым в этой речи содержится протест против того, чтобы она была присвоена и использована партией. В ней присутствует полемика с "новым понятием науки"⁹⁹, которое выдвинули нацистские идеологи, она возводит принцип "собственной силы" и особенно настоятельно принцип "сопротивления" до "основного противоречия в процессе управления народом и в следовании народа за руководством"¹⁰⁰. По своей насыщенности и мыслительной дисциплине она также стоит много выше всего того, что породила университетская партийная литература.

Но из-за наличия такого семантического поля и окружающих его фундаментально онтологических принципов речь Хайдеггера все-таки укладывается в русло нацистской литературы: кто торжествует по поводу "великолепия... и величия *этого* прорыва"¹⁰¹, должен примириться с тем, что его причисляют к кругу тех, кто инсценировал сам прорыв. – Кто определяет "духовный мир народа" как "власть сил народа, верных почве и крови"¹⁰², тот мыслит не просто национальными категориями, а расистско-национальными. – Кто в опьянении властью относит военную службу к "чеканящей силе"¹⁰³ науки, тот милитаризирует университет. И наконец, тот, кто, следуя какой-то программе, "вытесняет"¹⁰⁴ из университета академическую свободу, тот должен прослыть приверженцем тоталитаризма. Вирази такого рода утрачивают всякую безобидность, если распознать в них интегральные составные части стремительно распространявшейся в то время идеологии. В них заранее учитывается падение значимости университета в целом и они служат начавшемуся обвалу. Не может быть никакого сомнения в том, что эта речь содействовала нацификации немецкого университета и тем самым – расширению влияния национал-социализма. Министр культов земли Баден Ваккер

самым точным образом охарактеризовал эту речь: Она есть "своего рода приватный национал-социализм"¹⁰⁵.

Упрек никоим образом не относится к Ясперсу – ни в программном отношении, ни в семантическом, ни в метафизическом. Но почти невероятная отдаленность от политической реальности и упрямое нежелание ее воспринимать также бросают тень на его "Тезисы". В них ясно говорится, что противником, если иметь в виду реформы, является "не политическая власть", а "некие более широкие силы: незнание, враждебность к знанию и слепота"¹⁰⁶. А в черновике сопроводительного письма можно прочесть, что его, Ясперса, предложения по реформе "не находятся в противоречии... с принципами, которые выдвигала до сих пор правительственная сторона". Когда Ясперс писал это, давно вступил в силу земельный "Закон о восстановлении профессионального чиновничества"¹⁰⁷, который был направлен прежде всего против политически неугодных лиц и чиновников еврейской национальности. Близкий друг, Густав Радбрух, был уже уволен, так же как бывший учитель Ясперса, психиатр Вильманс¹⁰⁸ и многие другие гейдельбергские профессора и доценты. Факультеты были унифицированы, т.е. их возглавили деканы, которые устраивали власть предрержащих. Студентов-евреев хотя еще и зачисляли на учебу, но в немецкое студенческое сообщество более не принимали. В университетских городах давно проводились публичные сожжения книг, и лично Геринг уже назначил премию за голову Теодора Лессинга.

Тот, кто в этой ситуации во имя некоего аристократического принципа одобрял новое университетское уложение – даже пусть и со значительными оговорками, – тот не только ошибался в оценке реальности, но и в мысли отделялся от нее. А ведь именно это уложение безоговорочно отдавало университет диктаторской власти.

Ощущение такое, будто вновь звучат слова Хайдеггера: "Я видел, что о "духовной ситуации времени" можно писать, не испытывая чувство сопричастности с действительно происходящим – или только зная о нем". Правда, к этому тотчас можно добавить: тем хуже для того мыслителя, который [как Хайдеггер] выступал с программными разработками, уже зная о происходящем.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Доклад прочитан Х. Занером 6–9 ноября 1989 г. в Граце на международном конгрессе, посвященном Карлу Ясперсу.

² На экземпляре посвящение, написанное от руки: "С дружеским приветом. Хайдеггер"

³ Примечание редколлегии "Историко-философского ежегодника": автор статьи Х. Занер цитировал переписку Хайдеггера и Ясперса по рукописному варианту тома, который готовился к изданию. В настоящее время переписка издана. См.: Martin Heidegger. Karl Jaspers. Briefwechsel. 1921–1963. Fr. a/M.; München; Zürich, 1990. В дальнейшем при цитировании указывается дата соответствующего письма, которое можно найти в данном издании.

⁴ Karl Jaspers: Thesen zur Frage der Hochschulerneuerung // Jahrbuch der Österreichischen Karl-Jaspers-Gesellschaft / Hg. E. Salamun-Нубаšek, Kurt Salamun, Jg. 2/1989. Wien, 1989, 5–28 при цитировании далее: Thesen и номер соответствующей страницы немецкого текста.

- ⁵ Nachlass Karl Jaspers. z. Zt. Universitätsbibliothek Basel (Наследие К. Ясперса, которое в настоящее время хранится в Библиотеке Базельского университета).
- ⁶ Свое следующее письмо Хайдеггер написал 1 июля 1935 г., то есть почти два года спустя. В нем он ни словом не обмолвился о письме от 23 августа 1933, но говорил о "неудаче ректорства". Хайдеггер пишет следующее свое письмо 1 июня 1935 г., следовательно через два года. В нем речь идет вовсе не о письме от 23 августа 1933 г., а о "неудачах ректорства".
- ⁷ Письмо Ясперса Хайдеггеру от 23 августа 1933 г.
- ⁸ Guido Schneeberger: *Nachlese zu Heidegger. Dokumente zu seinem Leben und Denken*. Bern, 1962. 73 f.
- ⁹ Ночью с 30 июня на 1 июля 1933 г.
- ¹⁰ Ясперс сообщает об этих беседах. «Я сказал ему: ожидалось, что он выступит в защиту нашего университета и его великого наследия. Никакого ответа. Я говорил о еврейском вопросе, о злостной нелепице по поводу мудрецов Сиона, на что он ответил: "но ведь существует опасное интернациональное сообщество евреев". За столом он с некоторым оттенком злости в голосе сказал: это, де, безобразие, что так много профессоров философии, во всей Германии следовало бы оставить двоих или троих. "Кого же? – спросил я. Никакого ответа. – Как случилось, что Германией должен управлять такой необразованный человек, как Гитлер?" – "Образование совершенно ничего не значит, – ответил он. – Вы только посмотрите на его чудесные руки"» (записано Ясперсом в 1953 году).
- ¹¹ Thesen. S. 10.
- ¹² Heidelberg Tageblatt, 22 aug. 1933, 51. Jg., N 194. – Heidelberg Neueste Nachrichten, 22 aug. 1933, N 194.
- ¹³ Karl Jaspers. *Notizen zu Martin Heidegger* / Hg. Hans Saner, München; Zürich 1978; 3. Aufl. 1989. N 165.
- ¹⁴ Martin Heidegger / Elisabeth Blochmann: *Briefwechsel 1918–1969* / Hg. J.W. Storck. Marbach; Neckar, 1989. S. 61.
- ¹⁵ Письмо Ясперса Хайдеггеру от 20 апреля 1933.
- ¹⁶ Письмо Ясперса Хайдеггеру от 23 августа 1933.
- ¹⁷ В уже цитированной (см. сноску 13) записи под № 165 (в 1951 году) Ясперс вносит, правда значительно позднее (1961 г.), дополнительный нюанс: "...еще его ректорскую речь я пытался истолковать как шаг по направлению к лучшему. / Но в то же время я ему больше не доверял... Духовная высота не была потеряна, хотя содержание того, о чем он говорил и что совершал, понизилось до невыносимо низкого и чуждого уровня. / Несмотря на это, я не мог перестать воспринимать его серьезно, отныне как субстанциального противника, как медиума, представлявшего опасность, грозящую разрушением всего, что мне представлялось разумным".
- ¹⁸ Письмо Ясперса Хайдеггеру от 20 апреля 1933.
- ¹⁹ Thesen. 8.
- ²⁰ Ibid.
- ²¹ Thesen. 9.
- ²² Thesen. 10.
- ²³ В дальнейшем ректорская речь цитируется по изданию фон Хермана (Франкфурт-на-Майне, 1983), которое включает также отчет Хайдеггера о ректорстве: "Факты и мысли" – "Fatsachen und Denken", сделанный в 1945 г. В дальнейшем ссылки на ректорскую речь Хайдеггера: R, с указанием страницы по названному изданию.
- ²⁴ R. 10.
- ²⁵ Этот сущностный для знания момент Хайдеггер заимствует из "Прикованного Прометея" Эсхила. Там сказано о *tesche*, что оно много слабее, чем необходимость. "Отличительное свойство" знания, тем самым, черпается из приравнивания друг другу "*teschne*" и "знания": Отождествление: *teschne*–знание–наука затем облегчает перенесение сущностного для знания момента на саму науку, что, естественно, является в высшей степени проблематичным.
- ²⁶ R. 12.
- ²⁷ R. 13.

- 28 Ibid.
29 R. 13 f.
30 R. 15.
31 Ibid.
32 Ibid.
33 R. 16.
34 Ibid.
35 Ibid.
36 Ibid.
37 Cf. R. 27.
38 R. 18.
39 Ibid.
40 R. 9.
41 R. 19.
42 Ibid.
43 Ibid.
44 Ibid.
45 Ibid.
46 Thesen. 6.
47 Thesen. 8.
48 Ibid.
49 Ibid. 7.
50 Ibid.
51 R. 15.
52 Thesen. 7 f.
53 Ibid. 8.
54 Ibid. 10.
55 Ibid. 11.
56 Ibid.
57 Ibid.
58 Ibid. 12.
59 Ibid.
60 Ibid.
61 Ibid.
62 Ibid. 13.
63 Ibid.
64 Ibid. 14.
65 Ibid.
66 Ibid.
67 Ibid. 22.
68 Ibid.
69 Ibid.
70 Ibid.
71 Ibid. 23.
72 Ibid.
73 Ibid. 15.
- 74 Ibid. 16.
75 Ibid.
76 Ibid. 20.
77 Ibid.
78 Ibid. 21.
79 Письмо Ясперса Хайдеггеру от 23 августа 1933.
80 Thesen. 21.
81 Ibid.
82 Письмо Ясперса Хайдеггеру от 23 августа 1933.
83 Thesen. 26.
84 Ibid.
85 Ibid.
86 Ibid. 26 f.
87 Ibid. 27.
88 Ibid.
89 R. 9 (курсив Х. Занера).
90 R. 10.
91 R. 14.
92 Silvino Vietta: Heidegger Kritik an Nationalsozialismus und an der Technik, Tübingen 1989, bes. 11f.
93 Письмо Ясперса Хайдеггеру от 23 августа 1933.
94 Thesen. 11.
95 Ibid. 10.
96 Ibid. 12.
97 См. сопроводительное письмо к "Тезисам" Ясперса (Beibrief zu den Thesen).
98 Ibid.
99 R. 10.
100 Ibid. 18.
101 R. 19 (курсив Х. Занера).
102 R. 14.
103 R. 18.
104 R. 14.
105 R. 30.
106 Thesen. 11.
107 Закон вступил в силу с 7 апреля 1933 г.
108 Dorothee Mussnug: Die vertriebenen Heidelberger Dozenten. Zur Geschichte der Ruprecht-Karl-Universität nach 1933. Heidelberg, 1988 (= Heidelberger Abhandlungen zur Mittellehren und Neueren Geschichte, Bd. 2). S. 47–50.